

ской романтической поэмы, каким он сложился в 20—30-х годах XIX в.⁴⁹ В ней легко обнаруживаются основные отличительные черты этого жанра: новеллистический сюжет, основанный на любовном конфликте, характерное композиционное строение (начало, вводящее в середину действия с последующим сообщением *Vorgeschichte*, «вершинное», отрывочное изложение сюжета, песенные вставки и т. п.), лирическая манера изложения, включающая вопросы и восклицания автора, обращенные к читателю, отступления, в которых поэт говорит от себя, и т. п. и, наконец, четырехстопный ямб — размер наиболее распространенный в этом жанре. В русской романтической поэме не редкость встретить и сюжет, заимствованный из отечественной истории, причем лишенный, как в данном случае у Кюхельбекера, политических мотивов. Заключительное построение в монахи героя, потерпевшего фиаско в любовной драме, также являлось распространенным финалом романтической поэмы. Даже картина ночной бури, которой начинается «Юрий и Ксения», было традиционным вступлением в поэмах такого рода.⁵⁰

Но помимо этих обозначенных канонов установившегося жанра Кюхельбекер воспринимает в процессе работы над «Юрием и Ксенией» также и влияние со стороны конкретных поэтов с их индивидуальной творческой манерой.

20 июля 1832 г. поэт-узник записал в дневнике: «Мне тотчас принесли с почты *Стихотворения Скотта и Краббе*»,⁵¹ и в последующих записях он фиксировал свои впечатления от чтения этих поэтов; Скотта он читал с июля по октябрь 1832 г., Крабба — с октября 1832 г. по январь 1833 г. и в конце января вновь обратился к Скотту.⁵²

Чтение поэм Скотта вызывает у Кюхельбекера «брожение воображения»; 2 августа он раздумывает о том, чтобы придать «форму романтической повести» начатой в январе 1832 г. и вскоре брошенной драматической сказке «Иван, купецкий сын»,⁵³ но затем он отказывается от этой мысли, увлеченный легендой об Отроче монастыре. И в этом сюжете, связанном с историческим прошлым, проявилась определенная, так сказать, «скоттовская» настроенность фантазии Кюхельбекера. В ходе обдумывания поэмы ему пришла в голову мысль вложить рассказ в уста слепого бандуриста, который исполнял бы его перед семейством самого Кюхельбекера. При этом должны были упоминаться «1812-й год и другие исторические воспоминания».⁵⁴ Форма такого обрамления (не осуществленного в дальнейшем) была, вероятно, подсказана Кюхельбекеру построением «Песни последнего мепестреля» Скотта.

Письмо к сестре Ю. К. Кюхельбекер от 14 ноября 1832 г. показывает, что свое новое произведение поэт соотносил с поэмами Скотта, и различие, которое он при этом отмечал, было обусловлено внешними причинами, а не сущностью замысла. «Моя поэмочка, — писал Кюхельбе-

⁴⁹ Подробный анализ этого жанра см. в кн.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924. См. также: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955 (ч. III, Романтическая поэма).

⁵⁰ См.: В. Жирмунский. Байрон и Пушкин, стр. 263—265, 275—276.

⁵¹ ИРЛИ, р. 1, оп. 12, № 336, л. 27 об.

⁵² Записи о Скотте см.: В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта. (Публикация Ю. Левина). — Русская литература, 1964, № 2, стр. 95—101; записи о Краббе — частично в кн.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 311—312; полностью (в английском переводе) в статье. Yu. D. Levin. Kyukhel'bekeg and Crabbe. — Oxford Slavonic papers, vol. XII, 1965, pp. 99—102.

⁵³ В. К. Кюхельбекер о поэзии Вальтера Скотта, стр. 97.

⁵⁴ Дневник, стр. 72 (запись от 17 августа 1832 г.).